

Эрленд пишет о всяких важных вещах.
Например, о мячиках. И о белом медведе.
И о Лизе. И о теории относительности...

Линор Горалик (Русский журнал)

Эрленд Лу НАИВНО. СУПЕР

Эрленд Лу

Наивно. Супер

Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133148

Э. Лу. Наивно. Супер: ООО «Издательская Группа „Азбука-Амтикус“»;

Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-389-17503-7

Аннотация

Эрленд Лу (р. 1969) – популярный норвежский писатель, сценарист, режиссер театра и кино, лауреат ряда литературных премий. Роман «Наивно. Супер» – самая известная его книга, написанная от лица тридцатилетнего героя, переживающего «кризис середины жизни», – переведен уже на дюжину языков и везде, в том числе и в России, встречен с восторгом. Эта обаятельная и иронично-сдержанная вещь сродни хорошей примитивной, «наивной» живописи – на первый взгляд просто и смешно, всмотришься – умно и трогательно, и детали, при общей кажущейся простоте, выписаны точно и мастерски.

Содержание

Стена	5
Мяч	14
Дерево	22
Время	28
Велосипед	36
Наставник	42
Жизнь	46
Лес	47
Животные	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эрленд Лу Наивно. Супер

Erlend Loe
Naiv. Super

© CARPELEN DAMM AS 1996

© И. П. Стреблова, перевод, 2001

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Anybody who rides a bike is a friend of mine.
Gary Fisher

Всякий, кто ездит на велосипеде, мой друг.
Гэри Фишер

Стена

У меня есть два друга. Хороший и плохой. А еще у меня есть брат.

Мой брат, может быть, не такой симпатичный, как я, но, в общем, нормальный.

Сейчас, пока он в отъезде, я занимаю его квартиру. Квартира отличная. Мой брат – денежный человек. Бог его знает, чем он там занимается. Я как-то не очень этим интересовался. Не то покупает что-то, не то продает. А сейчас уехал по своим делам. Он говорил мне, куда едет. И я даже записал. Кажется, это в Африке.

Он оставил мне номер факса и велел, чтобы я пересылал ему по факсу почту и сообщения. Такая вот у меня работенка. Простая и непыльная.

За это он позволил мне здесь пожить.

Я очень ценю такую возможность.

Именно это мне сейчас и нужно.

Немного покоя, чтобы прийти в себя и опомниться.

В последнее время в моей жизни произошла странная вещь. Я вдруг дошел до точки, все потеряло для меня интерес.

Мне стукнуло двадцать пять. Это случилось пару недель

тому назад.

Мы с братом обедали у родителей. Было много всего вкусного. После обеда – пирожные. Разговаривали о том о сем. И вдруг я поймал себя на том, что упрекаю родителей, почему они не заставили меня всерьез заниматься спортом. Непонятно, что на меня нашло.

Я молол какую-то чепуху, что был бы сейчас профессиональным спортсменом. Имел бы высокий рейтинг и был бы при деньгах. Я бы все время путешествовал. Договорился даже до того, что это по их вине я ничего не достиг и веду скучную и бесцельную жизнь.

Потом я перед ними извинился.

Однако на этом дело не кончилось.

Вечером мы с братом стали играть в крокет. Это бывает нечасто. Принадлежности для крокета, брошенные под сараем, совсем сгнили. Мы объездили несколько заправок в поисках нового комплекта. Брат расплатился по одной из своих кредитных карточек. Потом мы шагами отмерили в родительском саду расстояния, вбили в землю воротца и колышки. Я выбрал красный цвет, мой брат – желтый. Не помню, те же цвета мы выбирали в детстве или нет. Забыл.

Мы начали играть, и некоторое время все шло прекрасно. Я быстро прошел первые и вторые воротца. Заработал дополнительный ход и продолжил игру. Я брал верх. Из нас двоих я первый начал разбойничать. Я отвел свой красный

шар за дерево и стал поджидать, когда брат окажется рядом. Я все время шутил и смеялся. А потом зарвался.

К тому времени, когда брат начал примериваться, поглядывая на кусты, веселое настроение уже несколько минут как прошло.

Я видел, что он задумывает.

– Вот это уж лишнее, – сказал я.

Но я уже понимал, что он не собирается меня жалеть. Прижав правой ступней собственный шар, он долго примеривался, прежде чем ударить, чтобы посильнее мне навредить. Он нацелился в дальний угол сада. В самый конец сада. Туда, где трава уже не просто трава, а болотная зелень. Он сделал несколько легких пробных замахов, убедился, что может вложить в решающий удар всю силу и не попасть при этом молотком по собственной ноге, совершив самый унижительный из всех возможных промахов, и наконец запулил мой шар в самую гущу разросшегося куста. Мой шар так и влетел в кусты, в самую серединку.

Туда, куда никогда не проникает солнечный свет.

Удар получился на редкость удачным. Я не собираюсь его за это упрекать. Я бы и сам на его месте сделал точно так же.

Но вот то, как я на это прореагировал! Я даже сам удивился, потому что не ожидал.

Мой замысел был очень простым и, в общем-то, трусоватым. Я собирался подстеречь брата, затаившись неподалеку от кона, а потом неожиданно отбить его шар далеко в сторону. Если бы я промахнулся, это мне ничем не грозило, потому что он еще не прошел до конца весь круг. Зато если бы я отбил его шар, то ему ни за что было бы не наверстать потерянного времени, а в довершение всего, когда он предложит сыграть еще разок, я ответил бы «нет».

Теперь все эти надежды растаяли.

Я не рассчитал и допустил решающий промах. Пришел черед брата разбойничать на площадке, и вот уже мой красный шар закатился в гущу разросшегося куста.

Но я не сдавался. Я решил, что еще возьму свое и загоню его шар под машину. Только одна мысль и помогала мне держаться: вот сейчас я задам ему жару! Лишь бы его шар застрял под машиной! А я полюбуюсь на то, как он будет ползать на карачках или на брюхе, весь измажется и начнет ругаться.

Но сперва надо было самому как-то выбить свой шар из-под куста. Я приподнял ветки и раздвинул листву. Потом стал водить туда-сюда зажженным фонариком. В самой середине я увидел свой шар. Под кустом не разглядеть было цвета, но шар, несомненно, мой, красный. А братец, конечно, стоит себе и смеется.

Я зажал фонарик в зубах и полез под куст. Там было сы-

ро, и температура, похоже, близка к точке замерзания. Я всю жизнь, сколько себя помню, всегда ненавидел этот куст. Ничего, сейчас мой черед бить. Я прицелился. Вот так должно получиться! Я был совершенно уверен, что скоро опять вывусь вперед, что это вопрос нескольких секунд.

Уж я покажу братику, сейчас он у меня попляшет, черт его дери!

Но мне потребовалось три хода, чтобы выбраться из куста. И в то время как я, все еще держа фонарик в зубах, отряхивался от листьев и от земли, брат снова забил мой шар в тот же куст.

Вот этот случай и заставляет меня в глубине души подозревать, что брат, вероятно, менее симпатичная личность, чем я. Я бы не стал два раза подряд забивать его шар в кусты. Один раз, наверное, да. Но дважды вряд ли.

Я снова зажег фонарик и во второй раз выбил шар из куста. Брат приготовился проделать со мной тот же фокус в третий раз, но промазал, и уж тут я принялся за его шар. Я совсем было нацелился послать его под машину, но стукнул неточно, и шар полетел не туда. Наверное, я слишком разгорячился.

После этого он в два счета расправился со мной. Один точный удар, и игра кончилась.

Сначала я стал спорить. Я придрался и стал говорить, что

он сжульничал, мы перечитали правила и снова заспорили. При этом я договаривался до совершенно диких вещей.

Кончилось тем, что брат стал спрашивать, в чем дело.

– Что это на тебя нашло? – спросил он меня.

Я уже собирался ответить, что ничего особенного, как вдруг что-то во мне перевернулось, и тут на меня нахлынуло все сразу. Это было мерзко и непреодолимо. Я никогда ничего подобного не испытывал и сейчас не мог выговорить ни слова. Я только сел на траву и потряс головой. Брат подошел ко мне и опустился рядом. Он положил руку мне на плечо. Раньше мы так никогда не сидели. Я расплакался. Прошло, наверное, несколько лет с тех пор, как я в последний раз плакал. Брат растерялся от неожиданности. Он принялся просить прощения за то, что вел себя так грубо во время игры.

Для меня все вдруг утратило смысл. Как-то внезапно.

Моя жизнь, жизнь других людей, жизнь животных и растений – все, что ни есть в мире. Все распалось на бессвязные кусочки.

Я поведал об этом брату. Но ему не дано было меня понять. Он встал и сказал: «Ладно, пошли! Shit happens!¹ Все будет хорошо!» Он стал меня подымать, ткнул по-братски несколько раз кулаком в живот. Брат у меня играл раньше в хоккей с мячом, так что привык работать кулаками у бортика. Я сказал, чтобы он выслушал меня спокойно. Сказал, что

¹ Погано, но с кем не бывает (англ.).

дело тут серьезное. Брат снова сел и стал терпеливо слушать.

Мы долго проговорили. Я плел что-то несуразное. Мы оба не очень-то много поняли из того, что я наговорил. Но брат отнесся к этому серьезно. Надо отдать ему должное. Я заметил, что он встревожен. Он еще никогда не видел меня таким.

Он сказал, что каждый день тысячи людей, наверное, сталкиваются с тем, когда перед ними словно бы выросла стена. Многим, наверное, бывает от этого тяжело, но потом это проходит. Брат у меня оптимист. Он хотел мне помочь.

А я подумал, что провалился на самое дно. Мне стало страшно, что вот я уже пресытился днями и ничто больше не вызовет у меня воодушевления.

Тут брат и сказал, что он уезжает. Отъезд был назначен на ближайшие дни, и он вернется только через два месяца. Он предложил мне пожить это время в его квартире. Я сказал: «Спасибо!» – и потом мы помолчали, пока брат не взглянул на часы и не обнаружил, что уже начались новости спорта. Он спросил, как я посмотрю на то, чтобы вернуться в дом. Тогда был мой день рождения, и на столе опять стоял торт.

Проснувшись утром, я понял, что дальше так не может продолжаться. Я остался в постели и стал думать.

Дело было не в крокете. Это я знал точно.

Крокет – это пустяки, а тут было что-то важное.

Меня почти сразу осенило, что оно имеет непосредственное отношение к тому, что мне исполнилось уже двадцать пять лет. Именно это меня и мучило.

Мысль о взрослении почему-то всегда вызывала у меня тревожное чувство.

Пространство меня, в общем-то, мало волнует, но вот со временем у меня проблемы.

Пока я одевался, мне стало ясно, что я не могу потратить этот день на то, на что обычно тратил другие дни.

Дни надо проводить иначе.

А также и ночи.

Я постоял у окна, глядя на улицу.

И вот принял решение.

Я сел на велосипед, отправился в университет и сообщил, что по некоторым обстоятельствам не могу сейчас сдать специальность. Секретарша кафедры поинтересовалась, не случилось ли чего-то непредвиденного, и спросила, не может ли она чем-то помочь. Я отметил про себя, что она проявила трогательное участие, но мне не хотелось ни с кем разговаривать. Я коротко поблагодарил ее за внимание и сказал «да» на первый вопрос, а на второй – «нет».

После этого я снова сел на велосипед, вернулся в город и свернул все дела, связанные с моим прежним существовани-

ем. Я побывал в газете, куда от случая к случаю сдавал свои материалы, и сказал, что на время бросаю писать, а может быть, и вообще навсегда. Я отказался также от комнаты, которую снимал, от телефона, рассчитался за телевизор и отменил газетную подписку.

Все остальное, что у меня было, поместилось в рюкзаке и двух картонных коробках. Коробки я поставил к родителям на чердак, а рюкзак закинул за спину, взял велосипед и поехал на квартиру своего брата.

Приехал весь в поту, сел и сижу.

Вот я и совершил наконец настоящий поступок.

Это вам не шуточки!

Не какое-нибудь там ТВ-2.

Мяч

Прошло недели две.

Я так и сижу в квартире брата.

Раз в день выхожу купить какой-нибудь еды. Если приходит почта, вскрываю конверты и пересылаю письма брату по факсу. Номер факса какой-то необыкновенно длинный. Я почти уверен, что брат находится в Африке. Я пытался искать записку с его адресом, но так и не нашел.

Кроме этого, я почти ничего не делаю.

Иногда листаю газету или полеживаю на диване, глядя в пустоту.

У меня никаких планов.

Ощущение бессмысленности всего сущего продолжается. Это не очень-то воодушевляющее состояние.

Я сбавил темп до предела. До нуля.

Мне кажется, что надо начать все сначала. Интересно, как это сделать?

Вчера я составил список того, что у меня есть и чего нету. Вот что у меня есть:

- хороший велосипед,
- хороший друг,
- плохой друг,
- брат (в Африке?),

- родители,
- дедушка с бабушкой,
- крупный кредит на учебу,
- степень бакалавра,
- фотоаппарат,
- немного взятых взаймы денег,
- пара почти что совсем новых кроссовок.

А вот то, чего у меня нет:

- планов,
- воодушевления,
- девушки,
- чувства, что все как-то связано и должно хорошо кончиться,
- обаяния,
- часов.

Просматривая сегодня списки, я обратил внимание на то, что список имеющихся у меня вещей длиннее, чем список того, чего у меня нет. У меня есть одиннадцать вещей. Нету шести. Это должно бы настраивать на оптимистический лад.

Но при внимательном изучении списков я обнаружил их неравноценность. Такое уравнение не решается.

В списке имеющихся вещей были такие, без которых я мог бы обойтись, а несколько вещей из списка отсутствующих представляются мне совершенно необходимыми для то-

го, чтобы жить так, как мне бы хотелось.

Так, например, я бы с удовольствием согласился отдать моего плохого друга, чтобы взамен обрести немного воодушевления. Или девушку.

Это пожалуйста, хоть сейчас!

К сожалению, всем известно, что так не бывает.

Для развлечения я сложил количество пунктов в обоих списках: $11 + 6$.

Получилось 17. Довольно-таки большая цифра, когда речь идет о существенных, жизненно важных вещах. На несколько секунд я даже преисполнился гордости. Но нет, смысла в этом ни на грош. Что за глупость складывать то, что имеешь, и то, чего у тебя нет. К тому же некоторые из этих вещей не имеют большого значения. Например, часы. Мне бы хотелось иметь часы, но не могу утверждать, что они имеют существенное значение. Конечно, я бы не прочь обзавестись часами. Тогда я всегда мог бы узнать, сколько прошло времени. Как я уже говорил, со временем у меня проблемы, и, как мне кажется, лучше смотреть своим проблемам в лицо, чем притворяться, будто ты их не замечаешь. И все-таки разве часы – это существенно? Вряд ли.

То же самое можно сказать и про кроссовки. Кроссовки тоже несущественная вещь, но они у меня есть. Наверное, можно сказать, что часы и кроссовки дают при сложении ноль. Остается $10 + 5$. Это будет 15. В данном аспекте – тоже немалая величина. Но тем не менее она ничего не дает и так

же бессмысленна, как число 17.

Надо постараться думать о чем-то другом.

Я лежал на диване и задремал и вдруг услышал, что поступает факс. Я стал ждать, когда он пройдет целиком и машина отрежет бумагу. Это заняло примерно минуту. Вот листок упал на пол, и я встал, чтобы его поднять.

Факс оказался от Кима.

Ким – мой хороший друг. Мы знакомы с ним уже несколько лет. Он отличный парень и готовится стать метеорологом. Сейчас у него, кажется, практика, которую он проходит на острове, где-то на Севере. Как я понял, он живет там один. Он снимает показания каких-то счетчиков и что-то там вычисляет. Потом два или три раза в сутки звонит в метеорологический институт на Блиндерне.

Похоже, что он соскучился в одиночестве.

Он то и дело присылает мне факсы. Я не поспеваю за его скоростью. Я сказал ему, что не могу отвечать факсом на каждый его факс. Он сказал «о'кей», но я понял, что он немного обиделся. В конце концов мы по умолчанию пришли к обоюдному соглашению: он посылает мне столько факсов, сколько ему захочется, я же отвечаю на них тогда, когда чувствую себя в состоянии.

Такой порядок меня более или менее устраивает.

Из факса Кима я делаю вывод, что он только что смотрел

шведский канал ZTV. Он цитирует по-шведски:

1. Увольняйся с работы.
2. Съезди куда-нибудь.
3. Заведи новых друзей.

Я рассказал Киму о своих переживаниях. Он пытается мне помочь. Симпатичный поступок.

Под письменным столом моего брата у меня стоит коробка, на которой написано «Ким». Туда я складываю все его факсы. Коробка наполнилась уже почти до краев. С тех пор как Ким проведал о том, что я живу в квартире с факсом, его факсы идут один за другим.

Я снова ложусь на диван. Пора что-то делать. Не обязательно что-нибудь особенное, а просто хоть что-то.

И я решил пойти и купить себе что-нибудь такое, что наведет меня на приятные мысли, а лучше всего – заставит улыбнуться.

Я обошел несколько магазинов, но не увидел там ничего, что мне захотелось бы купить.

Тогда я решил уточнить, каким критериям должно отвечать то, что я пытаюсь найти.

Почему-то я увлекся составлением списков. Списки – хорошая штука. В ближайшее время мне предстоит составить еще не один список. Вот и теперь я записываю такой пере-

чень:

- что-то не слишком большое, чтобы можно было носить с собой,
- чтобы стоило не больше ста крон,
- чтобы могло использоваться многократно,
- чтобы годилось для дома и для улицы,
- чтобы им можно было заниматься в одиночку и в компании,
- чтобы поднимало активность,
- чтобы оно помогало забывать о времени.

Сев на скамейку, я внимательно изучаю перечень. Читаю долго.

Перечень составлен честно. Я доволен тем, что написал. Может быть, такой объект найдется, может быть – нет. Это не самое важное. Важен перечень. Такое я делаю открытие. Ценное для меня.

И вот я сижу и думаю, какие же объекты удовлетворяют моим пожеланиям.

Мне представляется несколько возможностей. Но вещь нужна всего одна.

И вдруг я четко понял, что, оказывается, мне нужен мячик.

Просто-напросто мячик! Я почувствовал легкий всплеск возбуждения.

Давно уже я не вспоминал о мячах. Я рад, что вспомнил про них. Это как раз то, о чем мне нужно сейчас думать. Я на верном пути. Осталось только найти мячик. Как люди выбирают мяч?

В мире полно мячей. Все ими то и дело пользуются. Для игры и для спорта, и, наверное, не только для этого. Теперь осталось только выбрать то, что нужно.

Я отправляюсь в спортивный магазин.

Там такой огромный выбор мячей, что глаза разбегаются. Отличные, дорогие мячи. Есть кожаные, есть из других прочных материалов. Я пробую разные и понимаю, что они требуют к себе слишком серьезного отношения. Если я куплю такой мяч, то не посмею к нему притронуться из-за чувства собственной неполноценности. Нет, о качественном спортивном мяче думать еще рано! В настоящее время мне нужно по возможности приглушить в своей жизни элемент соревновательности. Мой девиз – восстановительный отдых. Мне нужен самый простой мячик. Хорошо бы из пластика.

Я отправляюсь в игрушечный магазин. Здесь нет такого огромного выбора, и глаза так не разбегаются. К счастью, мячики представлены здесь всего несколькими типами. С ограниченным числом цветов и размеров. Попробовав несколько штук на вес и испытав, как они отскакивают от пола, я выбираю в качестве самого простого решения красный мячик среднего размера. Он стоит сорок с небольшим крон.

Мячик укладывают в мешок, и я отправляюсь с ним на

велосипеде домой.

Отправляю факс Киму: «Настроение улучшилось впервые за долгое время. Купил красный мячик».

Я ложусь на диван и кладу мячик себе на грудь.

Я дожидаюсь вечера.

Когда стемнеет, я выйду во двор и буду кидать мячик об стенку. Я жду этого с удовольствием.

Дерево

Вот уже несколько вечеров подряд я играю на дворе в мяч.

Как правило, я отправляюсь туда с наступлением сумерек и устраиваюсь в дальнем углу, где нет ничьих окон. В этот закоулок, освещенный единственной лампочкой, редко кто-нибудь заходит.

Кидать об стенку мяч почему-то ужасно приятно. Сам не знаю, в чем тут дело. Надо бы, чтобы люди занимались этим почаще. Хорошо бы, если бы все этим занимались. Так было бы гораздо лучше. Тогда и жилось бы веселее.

Я кидаю мяч в стенку и ловлю после того, как он отскакивает от земли. Это хороший мячик. Он каждый раз ко мне возвращается. И хорошо помещается на ладони. Я уже и забыл это ощущение мяча на ладони. Как его держишь. Он такой круглый. С ним я забываю о времени.

Я снова бросаю мяч.

Красный пластиковый мячик тихонько звенит, стукнувшись о стену. Затем отскакивает от земли, издавая при этом немного другой звук. Тут я его ловлю, на мгновение удерживаю в руке и снова кидаю. Я проделываю это автоматически. Не думая о своих движениях. В это время можно думать о другом.

Сегодня я думаю о бабушке с материнской стороны.

Несколько недель тому назад он рассказал мне одну историю. Эта история повествует о добром мире.

Дедушка с бабушкой живут в желтом деревянном доме, который они построили очень давно. У них есть большой сад, на который они всегда тратили много времени. Цветы, деревья и кусты значат для них очень много. Они знают все названия и когда что надо сажать, когда поливать и когда что сорвать. Они часто говорят о растениях и дарят цветы друзьям и родственникам. Так было всегда, сколько я помню.

Когда дом только еще строился, дедушка посадил яблоню. В самом дальнем конце сада. Я эту яблоню не застал. Когда я родился, ее уже не было.

Но я про нее слышал.

Сначала прошло довольно много лет, прежде чем на этой яблоне стали появляться яблоки. Много яблок. Бабушка готовила из яблок сок и варила компоты.

Хорошая была яблоня.

Но потом произошел этот случай.

В тот год выдалось урожайное лето, на яблоне созрели крупные и красивые яблоки. Еще немного, и пора будет снимать.

Но однажды утром дерево оказалось погубленным. Несколько толстых ветвей валялось на земле. Бабушка вспоминала, что это было ужасное зрелище. С тех пор яблоня

больше не плодоносила. И дерево умерло.

Дедушка пришел из сада и рассказал о случившемся бабушке. Потом он переоделся из рабочей одежды в выходной костюм и отправился мимо церкви туда, где находилось ремесленное училище.

Там он поговорил с заведующим.

В училище разобрались со случившимся, и спустя некоторое время к дедушке явились три паренька.

Эти ребята лазили в сад воровать яблоки и поломали ветки.

Ребятам было очень стыдно.

Ну пошалили мальчишки! Казалось бы, ничего особенно страшного они не натворили, однако это был все же серьезный проступок.

Поэтому дедушка и заведующий училищем решили, что ребята должны ответить за свою проделку и понести наказание.

Новая яблоня стоила в те времена сто пятьдесят крон. Сошлись на том, что ребята выплатят дедушке стоимость яблони.

Каждому предстояло внести по пятьдесят крон.

Бабушка говорит, что по тем временам это были большие деньги.

Ребята должны были отдавать деньги по частям каждую неделю, на выплату долга должна была уйти вся осень и зима

и половина весны — столько времени нужно было для того, чтобы целиком рассчитаться.

Дедушка уже побывал у них в училище, так что он знал, что у мальчишек с деньгами дело обстоит туго. Они были не из местных, жили в интернате, кто-то из них приехал изда- лека, и их родители уже сильно потратились, чтобы только послать сыновей учиться. Поэтому мальчики теперь должны были расплачиваться сами из своих карманных денег. Это, очевидно, означало, что мальчикам придется сильно сокра- тить свои траты на всякие платные удовольствия и развлече- ния. У них почти совсем не оставалось денег на какие-либо покупки, на кино, они не могли никуда пригласить девушку — одним словом, ничего не могли себе позволить.

Каждую субботу ребята с пришибленным видом являлись к моему дедушке отдавать деньги. Они почти ничего не го- ворили. Только протягивали руку с деньгами и высыпали мо- неты на широкую дедушкину ладонь. Он строго кивал в под- тверждение, что все делается по правилам. Так продолжа- лось долго. Прошла зима и настала весна.

В мае все в саду зацвело, а у ремесленников вот-вот долж- ны были начаться каникулы, когда все разъедутся на лето по домам. В последний раз они пришли к дедушке с бабуш- кой нарядные, в выходных костюмах. Для них это был тор- жественный день. Они позвонили, бабушка отворила дверь и пригласила их зайти. К приходу ребят она приготовила ко-

фе и испекла вафли.

Мальчиков усадили за стол угощаться, а они выплатили остаток долга и пожали руку дедушке.

У мальчиков камень свалился с души. Они улыбались и впервые разговорились. Они рассказывали о школе, о том, что будут делать летом. Рассказали, как живут родители. Лица у них были счастливые. Долг был возвращен. Они очистились от вины и наконец-то могли ходить с поднятой головой.

Потом мальчики собрались уходить. Они попрощались и направились к выходу.

Тут дедушка встал и сказал:

– Погодите-ка, ребята! Есть еще одно дело.

Мальчики остановились. А дедушка вышел из-за стола, направился к вместительному кухонному буфету и открыл дверцу. Порывшись в самой глубине шкафа, он вынул оттуда три конверта. Держа их в руке, он подошел к мальчикам и вручил каждому по конверту.

Мальчики сначала не поняли. Они переглянулись. Потом открыли конверты и по щекам у них заструились слезы.

Дедушка возвратил им все деньги.

Я все кидал и кидал мячик. Я как-то вошел в ритм. И хотя игра мне удастся, я не вижу причины перестать. В этой игре удача не кончается. Сколько бы ты ни играл, в ней никогда не потерпишь неудачу.

Дедушка сказал мне, что он с самого начала задумал вернуть мальчикам деньги. «Тут дело было не в деньгах», – сказал мой дедушка.

Я думаю об этих мальчиках. Сейчас они взрослые. Им, должно быть, уже за пятьдесят.

Наверное, они почувствовали тогда, что мир – добр. Что все в нем связано. Что все имеет смысл.

Интересно, что же они теперь делают. Наверное, у них тоже есть семьи и сады с яблонями.

Мой дедушка – по-настоящему цельный человек.

Интересно, цельный ли я.

Интересно, есть ли вообще в моем поколении цельные люди.

Время

Сегодня утром на полке у брата мне попалась одна книга. Она написана по-английски, и в ней идет речь о времени, о Вселенной и всяких таких вещах.

Я заглянул в нее, но скоро опять отложил. Над такой книгой надо попотеть, мне это не по зубам.

Есть предел тому, за что я сейчас могу взяться. Я заходил взад-вперед по комнате, меня одолевало беспокойство.

Чтобы как-то отвлечься и занять свои мысли другими вещами, я начал листать старый фотоальбом, который попался мне под руку среди вещей моего брата. Там есть и мои снимки. На них я маленький. На многих я снят в странных нарядах. В бархатных костюмчиках. И тут и там – весь в бархате.

Наверное, в детстве я был очень самоуверенным.

На одном снимке я стою со своим велосипедом. Велосипед зеленый. И на руле у него пять красных божьих коровок. Я одет в желто-коричневый комбинезон. Я собираюсь показаться на велосипеде. Тогда это было единственное, о чем я мог думать.

Проснувшись утром, я думал: «велосипед». Единственная мысль.

Сегодня я просыпаюсь со множеством мыслей. Никак не

меньше, чем с пятью зараз. Полная неразбериха.

Я не знаю, что к чему, по большому счету. А действительно: в чем главный смысл? По большому счету, я понятия не имею, зачем все существует.

Я отправил Киму факс и спросил его, во что его одевали родители, когда он был маленьким, ходил ли он тогда тоже в бархате. Еще я спросил его, понимает ли он, в чем, по большому счету, главный смысл того, что есть.

Он ответил мне факсом «да» по поводу бархата и «нет» насчет остального.

Ким всегда тотчас же откликается на мои факсы. Можно подумать, что он только и ждет, когда я пришлю факс.

Эта мысль меня немного расстроила.

Посиживая на диване и разглядывая полученный от Кима листок с ответами «да» и «нет», я снова ощутил беспокойство. Я обнаружил, что уже не сижу на прежнем месте, а переместился поближе к книжной полке и что я вообще все больше времени стал проводить возле книг. Та книга стояла на своем месте, а я немного в стороне от нее. Косясь на нее одним глазом, я постепенно придвигался все ближе и ближе.

В конце концов я очутился на диване с этой книгой на коленях, решив, что не все ли равно, когда начинать – сейчас или потом, раз уж я хочу докопаться до самой сути моей проблемы. Хотя я не совсем уверен, но думаю, что это было

сделано по зрелом размышлении.

Книгу написал профессор, которого зовут Поль.

Думаю, что человек с таким симпатичным именем вряд ли ставит себе целью нагнать на меня страху.

Несколько часов я провел за чтением и обнаружил, что оно повлияло на мое общее состояние.

Хотя там и сказано, что Поль славится своим умением рассказывать о сложных вещах простым языком, книга показалась мне трудной.

Поль занимается трудными вещами.

А я ниже среднего подготовлен для их восприятия.

В гимназии, выбирая после первого класса предметы, которые я собирался изучать, я отказался от математики и физики. В то время мне казалось, что я уже знаю, какие вещи больше всего могут пригодиться мне в будущем. Сегодня я в этом уже не так уверен. Может быть, я тогда ошибся.

Итак, я не все понимаю. Возможно, я понимаю даже меньше, чем думаю, но то, что до меня доходит, кажется мне увлекательным и пугающим.

Я и не знал, что мой брат читает такие книги. Похоже, что я еще многого не знал о своем брате.

Еще больше я не знал о времени.

В Бонне в одной лаборатории установлен трехметровый металлический цилиндр.

Поль пишет, что он имеет форму подводной лодки и за-

ключен в стальной корпус, опутанный проводами и окруженный приборами. Это – атомные часы, и в настоящее время это самые точные часы на свете.

По ним время измеряется точнее, чем по вращению Земли.

Такая точность изумляет меня. Судя по всему, к земле она имеет очень мало отношения. Это просто чье-то постановление. Мне это понравилось. Как ни странно, я вдруг почувствовал, что время стало для меня более наглядным и осязаемым.

Кажется, мне хотелось бы иметь атомные часы.

Для того, чтобы компенсировать неравномерность земного вращения, время от времени принято добавлять лишнюю секунду. В последний раз одну секунду добавили в июне 1994 года. А нам-то об этом ничего и не сказали.

Благодаря атомным часам секунда получила новое определение. Раньше под секундой понимали $1/86\,400$ суток, теперь же секунда – это 9 192 631 770 колебаний атома цезия.

Мне кажется, это много.

Эти новые сведения выбили меня из колеи. Мне стало не по себе, и я схватился за мячик. Покидав его немного о дверцу холодильника, я несколько успокоился и возобновил чтение.

Помню, как мы пили молоко в начальной школе.

У многих из нас уже были электронные часы. С секундомером. Мы могли измерять время до сотых долей секунды. Что только мы не измеряли при помощи секундомера! Это было наше любимое увлечение в то время.

Одно время мы старались как можно быстрее выпивать молоко. У меня на это уходило не меньше пяти секунд, но вот Эспен, эта орысина, проглатывал весь пакетик меньше чем за секунду. В свете только что прочитанного мне это представляется впечатляющим достижением. Сам я мало что успеваю сделать менее чем за одну секунду.

Я могу барабанить пальцами по столу со скоростью пятнадцати ударов в секунду. Я вполне доволен таким результатом. А иногда я фотографирую с выдержкой в одну тысячную секунды.

Но все это – ничтожные скорости по сравнению с той, которую развивают атомные часы. Могу ли я с уверенностью сказать, что это действительно так? Более девяти миллиардов колебаний в секунду? Я не в состоянии себе это представить. Это чересчур много. Моя способность представить себе, сколько элементов составляет то или иное множество, имеет свои границы. Я легко могу определить на глазок, четыре или девять коров пасется на лугу, но если их будет больше пятнадцати, то мне уже надо считать их по одной. А все, что больше тысячи, становится для меня неразличимым.

Я не могу проконтролировать атомы цезия.

Я вынужден полагаться на то, что Поль знает, что говорит.
Я вынужден верить ему на слово.

Я почитал еще немного.

Дело становилось чем дальше, тем хуже.

Поль говорит, что сила тяготения влияет на время.

То, что позволяет себе этот человек, переходит все границы!

Без всякого предупреждения взять и заявить, что на время влияет сила тяготения и движение!

Я взглянул на обложку. Книга выпущена серьезным издательством. Очевидно, он говорит правду.

Я начинаю раздражаться.

Почему мне никто этого не рассказывал?

Неужели учителя физики сами не понимают, что такие сведения меняют общую картину? Или они дураки?

В свое время я отказался от физики по той причине, что на уроках мы рисовали протоны и электроны, не понимая, что все это значит. Я от этого скучал. Мне было гораздо интереснее, обернувшись к девчонкам, сделать колечко большим и указательным пальцем левой руки и потыкать в это колечко указательным пальцем правой.

О времени никто даже не упоминал.

Ни один из моих учителей ни единым словом ни разу не заикнулся о времени. Надо бы поинтересоваться, что они вообще знают!

Может быть, они-то знали. В таком случае нужно им отомстить. Надо как следует ткнуть их в спину в самый неожиданный момент.

Я чувствую себя обманутым.

Я чувствую, что у меня уже ни в чем нет уверенности.

На Солнце время движется на две миллиардных доли медленнее, чем у нас. Это связано с тяготением. Поль пишет, что там оно сильнее.

Я-то думал, что время – это время, а тяготение – это тяготение. Очевидно, на самом деле все не так.

При помощи пары приличных атомных часов это можно доказать на здании Эмпайр-стейт-билдинг.

Я не выдумываю!

Если поместить одни атомные часы у подножия Эмпайр-стейт-билдинг, а вторые на вершине, каждый сможет сам убедиться, что верхние идут быстрее.

Оставаясь внизу, можно за одну человеческую жизнь сэкономить несколько тысячных долей секунды.

Тот, кто сидит наверху, будет немного старше, чем мы.

Тут я откладываю книгу.

Я чувствую себя измученным и взволнованным.

Наверное, я как-нибудь в другой раз продолжу чтение.

Это потрясает какие-то основы.

Оказывается, время не существует.

Тут трудно сделать какой-то другой вывод.

Во всяком случае, не существует единого времени.

Есть мое время. Твое время. Время Поля. Солнечное время.

Много всяких времен.

Много разных времен – это то же самое, что никакого времени.

Если так, мне надо бы радоваться.

Отчего же я не рад?

Я ощущаю стресс.

Может быть, радость придет потом.

Велосипед

Я все еще не испытываю радости.

Безумие было читать эту книгу! Слишком самонадеянно!

Я уже не очень уверен, что Поль такой уж симпатяга.

Время, может быть, и не существует, но тем не менее все как-то движется. Жизнь идет своим чередом. Мы рождаемся и умираем. Я становлюсь старше. Так какая мне разница от того, что на солнце время идет иначе?

Надо, чтобы кто-то пришел и заставил меня что-нибудь делать. Пусть бы кто-нибудь попросил меня что-то построить. Только чтобы это было по-настоящему тяжело! Взять пескоструйную машину и отчистить что-нибудь этакое огромное.

Давненько я не трудился по-настоящему, до пота.

Я составил новый список. В нем перечислено то, что вызвало у меня душевный подъем, когда я был маленьким.

- Вода,
- машины,
- мячи,
- телефоны,
- животные, которые были больше меня,
- рыбы,

- зеркала,
- простыня с острым краем,
- резать ножиком,
- врать, скрестив пальцы,
- кататься на лифте,
- грузовики,
- палочки,
- животные, которые были меньше меня,
- громкие звуки,
- трактора,
- поезда,
- самолеты,
- полицейские,
- пожары и пожарные,
- фокусы,
- космос,
- красные предметы,
- муравьи,
- лебеди,
- искусственные челюсти,
- работа маляра,
- скрепкосшиватели,
- все, что можно кидать,
- вещи,
- пластырь,
- молоко,

- водоросли,
- горки,
- синий черничный сок,
- «Лего»,
- все, что двигалось особенно быстро,
- снег,
- деревья,
- узлы,
- рассуждения о хоккее,
- кубик Рубика,
- газонокосилки,
- фотоаппараты,
- какашки и письки,
- шишки,
- мыльные пузыри,
- Африка,
- вещи, в которых встречается желтый или серебряный цвет,
- сильный ветер,
- шипучка,
- все, что делал папа.

Моя жизнь была переполнена всеми этими вещами. Это было так просто и здорово. Когда я не спал, то носился и был в полном восторге. Я не ходил просто шагом. Я бегал вприпрыжку.

Рассмотрев список, я отправляю его по факсу Киму. Я чувствую, что задолжал ему ответный факс.

Я подумываю, что надо бы составить список вещей, которые сейчас вызывают у меня восторг. Я беру перо и бумагу, но ловлю себя на том, что робею.

Я испугался, что список окажется слишком коротким. Напрасно я отучился бегать.

Я пошел в магазин и купил литр обезжиренного молока. Когда я вернулся, весь двор кишел детьми. На дворе гулял детский сад. Я и не знал, что во дворе находится детский сад.

Ко мне подъезжает маленький мальчик на крошечном велосипеде с опорными колесиками по бокам. Мальчуган одет в комбинезончик, на голове у него шапочка с козырьком. Поверх шапочки нахлобучен велосипедный шлем. Мальчик смотрит на меня и на молоко, которое я купил. Он спрашивает, мой ли вон тот шикарный красный велосипед. Я киваю в сторону прислоненного к деревянному забору велосипеда и спрашиваю: «Ты про этот?» Да, про этот.

– Это мой, – отвечаю я мальчику.

Мальчик полон восхищения. Он говорит, что тоже хочет себе такой велосипед.

Мы идем к моему велосипеду и рассматриваем его. Велосипед большой и красный. Мальчик дотрагивается до рамы. Интересно, как он узнал, что это мой велосипед?

Он говорит, что видел, как я ставил на него замок. И сообщает, что живет в соседнем доме. На самом последнем этаже.

– Тебе совсем близко ходить в детский сад, – говорю я.

Он кивает.

– А еще я видел, как ты играешь в мяч, – говорит мальчик.

– Неужели ты так поздно еще не спишь? – спрашиваю я.

– Иногда бывает, – отвечает мальчик.

Я спрашиваю, как его зовут, он отвечает, что Бёрре.

– У тебя тоже шикарный велосипед, – говорю я ему.

Он отвечает, что это детсадовский велосипед.

Бёрре немного помолчал. Потом он спросил меня, надеваю ли я шлем, когда езжу.

Я уже готов был соврать и сказать «да», но вовремя спохватился. Ложь сразу обнаружится. Я признался, что не надеваю шлема.

– Нет, – говорю я.

– Не едь без шлема, – говорит Бёрре. Он хочет, чтобы я поскорее купил себе шлем, лучше всего прямо сегодня.

Он рассказывает мне, как папа одного мальчика из детского сада ехал на велосипеде и столкнулся с автомобилем. Дяденька был без шлема и пролежал в больнице почти неделю.

Я не могу не признать, что это очень убедительный довод.

– Ты прав, Бёрре, – говорю я мальчику. – Я непременно куплю себе шлем.

Бёрре спрашивает меня, поеду ли я сейчас на велосипеде. Я не собираюсь никуда ехать. Я шел домой и собирался пить молоко. Он спрашивает, не выйду ли я потом покататься. Я не знаю.

– Может быть, вечером, – говорю я ему.

Бёрре хочет посмотреть, как я буду кататься, но вечером его уже заберут из детского сада.

– Может быть, ты увидишь меня из окна, – говорю я.

– Может быть, – отвечает Бёрре.

Я поворачиваюсь и иду к подъезду, он смотрит мне вслед. Когда я обернулся, он мне помахал.

Спустя некоторое время меня осенило, что надо было посадить Бёрре на мой велосипед и прокатить его по двору.

Ему бы понравилось.

Наставник

Однажды я так заигрался, что упал в обморок.

Мне только что подарили горные лыжи, и я настолько ими увлекся, что забыл про еду. Я прокатался целый день натошак.

Кончилось тем, что от голода я потерял сознание и налетел на фонарный столб. У меня было сотрясение мозга, и папа отвез меня в больницу.

Доктор сказал, что это здорово так долго играть, но все-таки надо иногда делать перерыв, чтобы поесть.

Я упал в обморок, поскольку был слишком увлечен своим занятием, чтобы сделать перерыв на еду, мне было некогда отдыхать.

В этом есть что-то просто замечательное.

Такая увлеченность!

Теперь только и можно сказать – была да сплыла.

В последние дни у меня было переменчивое настроение.

Я стараюсь понять свое состояние, но отдельные кусочки никак не хотят складываться в целостную картину. Я не совсем понимаю, что со мной происходит.

За последние недели многое изменилось.

День проходит иначе. Иными стали и ночи.

Но что-то по-прежнему не так, чего-то мне еще не хватает.

Совершенно очевидно, что не хватает чего-то важного.

Где его надо искать, я не знаю.

Но зато у меня есть мяч.

Он меня очень выручает.

И каждый вечер я подолгу занимаюсь тем, что кидаю его об стенку.

Через месяц должен вернуться мой брат. При нем я не смогу уже здесь оставаться.

В запасе у меня остается один месяц.

Я не скрываю от себя, что нервничаю, когда думаю о том, чем это может кончиться. Я не притворяюсь перед собой.

Я мог бы, к примеру, сделать вид, что ничего особенного не происходит, и положиться на авось. Закурить сигаретку и притвориться, что все в порядке. Других это, может быть, и обманет. Например, девушек, Кима... Может быть, мне и удалось бы обмануть Кима. Но рано или поздно все бы повторилось. И я снова очутился бы, как тогда, сидящим на траве, и кто-нибудь – брат или кто-то другой – обнимал бы меня за плечи, а я бы обливался слезами.

Что-то все-таки со мной не в порядке. Что-то явно не так.

Больше всего мне не хватает сейчас старшего друга. Учителя. Человека, который объяснил бы мне, что к чему.

Хорошо, если бы он давал мне задание, на мой взгляд

бессмысленное, я злился бы и возмущался, но выполнял бы заданный урок. И затем, понемногу, после многих месяцев тяжкого труда я бы начал понимать, что во всем есть скрытый глубокий смысл и наставник действовал по заранее продуманному, точному плану. И мне вдруг открылась бы причинная связь вещей. Я понял бы суть вещей и явлений. Увидел бы логику мировых событий и человеческого поведения. Я научился бы также управлять собою и вызывать в людях проявления самого лучшего, что есть в каждом человеке, ну и так далее. И наставник сказал бы, что ему больше нечему меня учить. И на прощание он подарил бы мне что-то. Наверное, что-то большое. Может быть, автомобиль. И тогда я мог бы сказать ему, что это слишком, что такого подарка я не могу принять, но он бы настоял на своем, и мы расстались бы с ним, и прощание было бы грустным, но значительным. И тогда я окунулся бы в жизнь и, может быть, повстречал бы кого-то, желательно девушку, и создал бы семью, и, пожалуй, основал бы фирму, которая производила бы полезные товары и услуги.

Вот как все должно было быть. Да, черт возьми! Это же ясно как день. Именно так, и никак иначе!

Однако такого наставника днем с огнем не сыщешь.

Мне он так и не встретился.

И все указывает на то, что придется мне обходиться собственными силами.

Я стал вспоминать людей, на которых я смотрю с восхищением.

Их мало.

Вот люди, которыми я восхищаюсь:

- Лори Андерсон,
- Ганди,
- Армия спасения,
- Карл Баркс,
- Астрид Линдгрен,
- Орсон Уэллс,
- Олаф Х. Хауге,
- Ларс Лилло Стенберг.

Я убежден, что дело в увлеченности. У меня пропала увлеченность.

Ее нужно найти и вернуть.

Где-то там она есть.

Вероятно, трепаться об этом тщеславно.

В этом есть что-то от дзен-буддизма.

Если я буду напрягаться, у меня ничего не получится.

Получится, когда перестану напрягаться.

Проклятые буддисты! Воображают о себе, что уж они-то все понимают.

Жизнь

В человеке, весящем 70 килограммов, содержится, между прочим:

- 45 литров воды,
- достаточно извести, чтобы побелить курятник,
- фосфора, которого хватит на 2200 спичек,
- жиру примерно на 70 кусков мыла,
- железа на двухдюймовый гвоздь,
- углерода на 2000 карандашей,
- одна ложка магния.

Я вешу более семидесяти килограммов.

А еще я помню телевизионный сериал под названием «Космос». Карл Саган расхаживал среди декораций, как бы изображавших Вселенную, и беззастенчиво сыпал гигантскими числами. В одной из серий он сидел над резервуаром, где находились все вещества, из которых состоит человек. Он размешивал их палочкой, чтобы посмотреть, получится ли у него создать из этой смеси жизнь.

Ничего у него не получилось.

Лес

На улице весна.

Внезапно стало тепло.

Сегодня я отыскал у брата в шкафу велосипедные шорты. И футболку.

Я приготовил себе в дорогу бутерброды и налил воды в старую бутылку из-под «Фаррис». Еще я взял с собой мяч.

Собравшись, я сел на велосипед и поехал в лес. Сейчас я в лесу.

Тут тихо-тихо. Сегодня рабочий день, так что, кроме меня, никто не выехал за город погулять. Все на работе. Сидят в университете.

Ну и пускай их сидят!

У меня, как я уже говорил, довольно приличный велосипед. С несколькими скоростями. И покрышки с толстым рифлением. Там, где я люблю кататься, все это необходимо. Что касается велосипеда, тут я фанат.

Перед тем как купить велосипед, я перечитал уйму брошюр и каталогов ведущих производителей велосипедов. Я люблю разглядывать велосипеды на картинках, воображая себе, как я буду на них выглядеть. Среди прочих мне попалась брошюра некоего Гэри Фишера. Он живет в Калифорнии. Гэри Фишер хвастается, что будто бы это он изобрел

горный велосипед. Возможно, так оно и есть. Он составил толстый и дорогой каталог с картинками, на которых можно видеть множество отличных велосипедов; там приводятся также все технические данные, а вдобавок цитируются его высказывания.

В одном месте есть такое: «Anybody who rides a bike is a friend of mine»².

Мне это понравилось.

Я чувствую, что все, кто ездит на велосипеде, мои друзья. Большая, дружная семья.

Встречаясь с другим велосипедистом, я иногда говорю «привет!».

Но сегодня я в лесу один.

Это тоже здорово.

Когда я выезжал со двора, ко мне подбежал Бёрге. Он спросил, купил ли я шлем.

Я сказал, что куплю, как только будут деньги.

Он еще раз напомнил мне, что случилось с папой одного мальчика из детского сада. Я кивнул и сказал, что буду ездить осторожно.

Но я не особенно осторожничаю.

Приятно ездить по лесным тропинкам.

Временами меня подкидывает, когда под колеса попадает камень или корень.

² Всякий, кто ездит на велосипеде, мой друг (англ.).

Когда я сказал Бёрре, что отправляюсь в лес, он рассказал, что его папа однажды встретил лося. Бёрре сказал это с гордостью.

Я тоже встречал лосей, но сейчас у меня не повернулся язык это сказать.

Мы с Бёрре условились, что я потом расскажу ему, каких я встречу зверей.

Пока что я встретил только одну лошадь и одну белку.

Вспотев от езды, я остановился у лесного озерца и искупался.

Искупался, несмотря на то что сейчас еще только апрель и вода холодная.

Жарясь на солнце и дожидаясь, когда обсохну, я подкидываю мячик. Лежу на спине и подбрасываю его вверх. По большей части я его удачно ловлю, но иногда он отлетает в сторону, и тогда мне приходится вставать и подбирать мячик.

Наконец у меня кончилось терпение.

Надоело мне за ним бегать.

Пушай лежит там, куда укатился, пока я не обсохну.

Я стал думать, с чего начались мои неприятности.

Судя по всему, причина лежит где-то глубоко.

Мои родители сделали свое дело неплохо. Я на них не в претензии. В школе тоже у меня все было в порядке. Никто

меня не обижал. Во всяком случае, долго и настойчиво.

Бывало, конечно, что кто-нибудь скажет гадость, но я в ответ пинал его в голень или давал кулаком в живот. Так что ничего особенно страшного не было.

Выходит, дело в чем-то другом.

Мне почему-то кажется так, что я, наверное, слишком много знаю о таких вещах, много знать о которых – глупо.

Я знаю страшно много всякой всячины.

Вот список вещей, о которых я что-то знаю:

- кино,
- литература,
- средства массовой информации,
- политика,
- конфеты,
- искусство,
- реклама,
- аэродинамика,
- общество эпохи информационных технологий,
- Ролан Барт,
- компьютеры,
- история,
- языки,
- музыка,
- топ-модели,
- пустыня Сахара.

Много — это действительно значит много.

Я знаю имена, даты. Сотни имен и дат.

Я знаю, кто первым поднялся на Эверест.

Я знаю фамилии режиссеров самых идиотских американских сериалов.

Я знаю про исследовательскую работу, в которой доказано, что в 1957 году, после того как Брижит Бардо сыграла главную роль в фильме «И Бог создал женщину», сорок семь процентов всех разговоров, которые вели французы, были посвящены Брижит Бардо.

Я знаю, что в воздушном потоке над верхней частью крыла самолета возникает зона пониженного давления и благодаря этому самолет может летать.

Я знаю суждения Аристотеля.

Я знаю суждения других философов об Аристотеле.

Я знаю, сколько денег зарабатывает Клаудиа Фишер.

Я знаю, что на Солнце время течет чуть медленнее, чем на Земле.

Я знаю, как долго Христо и Жанне Клод пришлось добиваться, чтобы им позволили упаковать здание берлинского рейхстага.

Я знаю надпись на бутылке кока-колы.

Я страшно много всего знаю.

Не я один знаю все это.

Многие знают больше, чем я. К счастью, это меня не волнует.

Меня волнует другое: зачем мне эти знания?

Что мне с ними делать?

Конечно, я мог бы принять участие в телевикторине и выиграть путевку в Грецию. На двоих.

Но у меня нет девушки. Мне пришлось бы ехать одному.

Да и на что мне сдалась Греция?

Нет никаких оснований предполагать, что там я буду чувствовать себя лучше.

Я не так уж глуп, чтобы не понимать, какая польза может быть от тех или иных знаний.

Но я не могу с уверенностью сказать, какие из них важны, а какие нет.

У меня отсутствуют критерии. Нет общего взгляда.

Откуда взять общий взгляд?

Может быть, это приходит с годами. А может, и нет.

Что же мне делать: ходить дурак дураком и ждать, когда оно свалится?

Зря я учился читать.

Одна приятельница моих родителей рассказывала, что в детстве она ходила в такую группу или там клуб, где дети играли, пели песни и всякое такое.

Она считала, что этот клуб называется «Думдель-тей»,

она гордилась, что ходит туда. И ей нравилось это веселое название.

Научившись читать, она поняла, что ошибалась и на самом деле он назывался «Дом детей».

Ей было очень обидно.

То же самое происходит и со мной.

Кажется, все началось еще тогда, когда я разглядывал «Игротеку».

Где есть про то, какое сегодня число, про маленькую стрелочку – если она подошла к пяти, то, значит, скоро пять часов.

Медвежью услугу оказала мне Вибекке Сэтер.

Теперь я знаю числа и буквы. И читаю вон как быстро.

Но вот хотел бы я знать, что мне с этим делать!

Сейчас поздно спрашивать. А может быть, даже глупо. Дело сделано.

Я не могу вести себя так, как будто ничего этого не знаю.

Паршивое дело! Честное слово!

Мне бы лучше мячик.

Мне бы велосипед.

Вот вещи, с которыми я могу как-то сладить.

По дороге домой я снова вижу лошадь.

Гнедую лошадку.

Животные

Я запираю замок на велосипеде, и тут опять ко мне подходит Бёрре.

Детский сад сегодня закрыт. Бёрре играет во дворе один. Он строит в песочнице домики и хочет, чтобы я ему помогал.

Я отвечаю, что сначала мне надо подняться в квартиру, чтобы переменить одежду и поесть, а потом я к нему спущусь.

Факс от Кима.

Довольно долго он не подавал о себе вестей. Ким пишет, что было много работы. Наверное, там на Севере что-то творилось с погодой. Но сейчас все успокоилось. Погода устойчивая, ветер северо-западный, слабый, переменная облачность.

У Кима выдался часок свободного времени.

Мой список вещей, которые в детстве приводили меня в восторг, вдохновил его на создание собственного списка.

Вот список Кима:

- играть в детектива,
- Тарзан,
- девочка в детском саду, которую звали Яннике. С длинными ресницами,
- еще одна девочка в детском саду, которую звали Вибекке.

Тоже с длинными ресницами,

- шпионить,
- воровать яблоки,
- «Лего»,
- космос,
- супермен,
- радиопьесы,
- мой день рождения,
- подарки,
- театр,
- рождественские календари,
- синий детский автомобиль,
- лазить летом на деревья,
- строить домики,
- поджигать автомобильчики из спичечного коробка,
- еще одна девочка, которую тоже звали Вибекке; она жила через дом от нас, была старше меня и учила меня ездить на велосипеде,
- ездить на велосипеде.

Список Кима, по-моему, очень хорош.

Несколько пунктов оттуда надо бы вписать и в мой, но у меня такое чувство, что уже нельзя ничего менять. Это значило бы слизать у Кима. Как-то нехорошо. Но езда на велосипеде и игра в детективов непременно должны были попасть и в мой список. Я сам не понимаю, как я мог это забыть.

А вот то, что насчет девчонок, не имеет ко мне никакого отношения. Я очень долго был к ним равнодушен. Я дружил с некоторыми девочками, но не задумывался о том, что они – девчонки, а какие там у них ресницы – длинные или короткие, – этого я и подавно не замечал.

Мне кажется, я впервые стал обращать на это внимание, когда в автобусе какой-то дядька спросил меня, девочка я или мальчик.

Идиот!

«Лего» и космос есть в обоих списках. Еще бы их не было!

Что-то не верится, чтобы Кима не интересовали писк и какашки.

Уверен, что он просто забыл.

Он писал второпях.

Я спустился на двор. Бёрре по-прежнему сидит в песочнице. Он мурлычет какую-то песенку, но что это, я не разобрал. На голове у него велосипедный шлем. Может быть, у него строгие родители. Бёрре понастроил множество цилиндрических домиков. Наверное, он наполнял песком свое ведро и, хорошенько утрамбовав песок, переворачивал ведро вверх дном. Так и делают домики.

Он предлагает мне, если я захочу, провести дороги и построить мосты.

Конечно хочу!

Некоторое время мы с ним сидим в песочнице, строим и

переговариваемся. Это даже здорово. Снимает напряжение.

Бёрре говорит, что у меня хорошо получается.

Я говорю, что у него тоже получается хорошо.

Мы с ним оба молодцы.

Затем он спрашивает у меня, каких зверей я видел в лесу.

Я отвечаю, что видел лошадь и белочку.

Только двух зверей? – удивляется Бёрре.

Ему кажется, что это мало. В лесу ведь столько зверей.

Наша беседа все больше сосредоточивается на животных.

В нее включается элемент соревновательности: кто видел больше животных?

Я говорю, что я, вероятно, видел их больше, чем Бёрре, но это и неудивительно – ведь я на двадцать лет старше.

Я говорю ему, что еще раньше, чем он родился, я уже успел повидать уйму зверей.

Он спрашивает, видел ли я бобров.

– Да, видел.

– А северных оленей?

– Да.

– А глухаря?

– Да.

– Медведей?

– Нет.

А вот Бёрре видел медведей. В зоопарке.

– В зоопарке – да, – говорю я. – Я тоже видел медведей в зоопарке. Но я думал, что в зоопарке не считается.

Бёрре удивлен:

– Почему не считается?

– Но тогда можно считать и тех зверей, которых мы видели по телевизору, – предлагаю я.

– А у тебя есть кабельное телевидение?

Порассуждав и поспорив со мной, Бёрре согласился, что зоопарк не считается. Мы решили, что будем считать только тех зверей, которых видели в природных условиях.

Сначала я предложил ему считать только тех зверей, которых мы видели в действительности, но Бёрре сразу поймал меня на ошибке, указав, что зоопарк тоже действительность.

С этим не поспоришь.

А чтобы компенсировать разницу в возрасте, Бёрре будет считать и тех зверей, которых видел его папа. Я решил, что так будет правильно. Это было мое предложение. Несмотря на такую уступку, я был уверен, что все равно выиграю.

На мой вопрос, знает ли он, каких зверей видел его папа, Бёрре спокойно кивнул. Он не допускает такой возможности, чтобы папа не рассказывал ему про всех зверей, которых видел.

Мы договариваемся, что будет учитываться только один представитель каждого вида, независимо от пола и возраста. Так что не записываем по отдельности «жеребец», «кобыла»

и «жеребенок», а только лошадь.

На мой взгляд, лучше было бы отбросить таких зверей, которых все видели. Чтобы не мучиться, вспоминая обыкновенных, скучных животных. Таких как, например, кошки и собаки. Или коровы.

Но Бёрре не соглашается проводить такое различие.

– Все равно это звери, – говорит Бёрре. – Собака же не виновата, что она обыкновенная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.